Асламбек Тугузов

ШЕЙХ МАНСУР

поэма

Грозный - 2022

УДК 8-1(С2)
ББК 84(2Рос=Чеч)6-5
Т 815

Т 815 Тугузов А.Т.
Шейх Мансур. Поэма на русском языке/ Тугузов А. – г. Ростов-на-Дону, ИП Федосеев В.А, 2022. – 96 стр.

В оформлении обложки использованы картины Рустама Яхиханова

***рисунок справа**:«Шейх Мансур» худ. РУСТАМ ЯХИХАНОВ*

ISBN

УДК 8-1(С2)
ББК 84(2Рос=Чеч)6-5

© Тугузов А., 2022
© Союз писателей ЧР, 2022

"Шейх Мансур" L2 26/100 Рустам Яхиханов 2021г.

То что в мир, по милости Всевышнего, ещё приходят, пусть и очень-очень редко (много такого просто быть не может), такие поэты, как Асламбек Тугузов – большое событие для всей современной литературы. То, что она получила его через чеченскую литературу – большое счастье для нас. Асламбек наделён редким талантом тех, чья сила художественного слова и образа рассеивают тьму в душах и заливают их светом истинной, полной ярких красок поэзии. Благодаря таланту Асламбека Тугузова не только чеченский народ, но и другие большие и малые народы получили великолепный литературный памятник, посвящённый яркой и полной трагизма жизни Первого

Имама Северного Кавказа Шейха Мансура и его сподвижников – славных сынов славных народов славного Кавказа!

Уверен, что тот из читателей, который до ознакомления с самим произведением «ШЕЙХ МАНСУР» упрекнёт меня за чрезмерность в эпитетах, столь же искренне обвинит в излишней сдержанности после его прочтения.

Наш уважаемый Лидер Рамзан Ахматович Кадыров создал все условия для чеченских литераторов, уверен, что наши писатели оправдают вложенные Главой Чеченской Республики средства и выполнят возложенные на них задачи.

С уважением,
председатель Союза писателей
Чеченской Республики
Ельсаев А.А-Х.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШЕЙХА МАНСУРА

Вернись, Гомер, века перешагни,
И посмотри прозревшими очами
На нас, исполосованных мечами,
И новую поэму сочини.

Асламбек Тугузов

До поры до времени они молчат... Нет, право, есть нескончаемые потоки исторической литературы, статей, лекций, телевизионных и иных передач, в коих прослеживается попытка окинуть взором прошлое, понять его, пережить, осудить его или наоборот – возгордиться им, но даже и тогда исторические личности в них предстают перед нами в виде статистов, будь это даже сам Юлий Цезарь со своим каноническим «Пришел, увидел, победил».

Мертвые оживают, проникают в наше индивидуальное или коллективное сознание не тогда, когда в историческую толщу проникает холодный скальпель ученого-историка, а в тот

миг, когда художник слова, подлинный и большой, окунает свое перо в чернильницу, наполненную до краев, нет, не чернилами, а кровью веков (авторы многих эпических произведений мировой литературы остаются безызвестными, так как собиратели древних текстов и устных преданий не видели себя в роли авторов и предпочитали оставаться анонимными).

Мировая литература сегодня представлена многими эпическими произведениями, которые дошли до нас сквозь тысячелетия и века, а также написаны в историческом отрезке совсем недавно. Есть среди них и анонимные тексты, а есть и авторские издания, есть тексты прозаические, а есть поэтические, написанные самым что ни на есть высоким штилем, есть эпические тексты с установкой на вымысел, в которых отсутствует претензия на историчность, а есть эпос героический, который традиционно предполагает достоверность повествования, но, как правило, носит мифологическую подоплеку. «Илиа-

да» и «Энида», «Песнь о Роланде» и «Беовульф», «Божественная комедия» и «Пан Тадеуш», «Калевала» и «Манас», «Дон Кихот» и «Вильгельм Телль», «Шахнамэ» и «Тысяча и одна ночь», «Сто лет одиночества» и «Тихий Дон»... Обращая внимание на этот далеко неполный перечень произведений мировой литературы, у колыбели которой стоит Гомер, а на другом конце Шолохов, мы сталкиваемся со смещением огромного количества жанров, стилей, направлений и манер исполнения. Здесь и песнь с поэмой, и сказание со сказкой, и фантастика с фэнтэзи, и магический реализм на пару просто с реализмом, но везде, где мы имеем дело с историей, она зачастую носит квазиисторический характер.

Сюжетные линии чеченского эпоса (особняком стоит нартский эпос), который широко представлен героико-эпическими песнями илли, в большинстве своем строятся на реальных исторических событиях с реальными историческими личностями: Сурхо, сын Ады;

Бейбулат, сын Тайми; Жаммирза, сын Мады; Айбика, дочь Дады; Таймасха Гехинская; Байсангур Беноевский; Ахмад из Автуров; Зелимхан Харачоевский; Дуда, сын Исмаила и мн. др. Но каким-то странным (если не сказать фантастическим) образом в фольклорном предании чеченцев в этом пантеоне национальных героев отсутствует личность Ушурмы, сына Шаабаза из Алдов, вошедшего в историю под именем Шейх Мансур. И это притом, что чуть ли не в каждой чеченской семье имя Шейха Мансура передавалось из поколения в поколение, не говоря уже о том, что в официальной чеченской и российской историографии личность Шейха Мансура исследована довольно широко.

Поэма чеченского поэта Асламбека Тугузова «Шейх Мансур» – первое в русскоязычной чеченской литературе художественное полотно, где легендарная личность первого имама Северного Кавказа представлена с широким эпическим размахом. Более того, поэма «Шейх Мансур» – первое историческое

произведение стихотворного жанра в русскоязычной чеченской литературе с мистическими элементами, в которой с огромной силой художественного воздействия раскрываются и общефилософские вопросы человеческого бытия, и трагические вопросы исторического пути чеченского народа.

Мы не будем сейчас отвлекаться на научно-исторический экскурс в жизнеописание Шейха Мансура, пусть читатель обратится к монументальному исследованию доктора исторических наук Ш.Ахмадова «Имам Мансур. Народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе в конце XVIII века», изданное в 1991 году.

Скажем только, что Ушурма, сын Шаабаза из Алдов, происходивший из чеченского тайпа элистанжхой, ставший известным на весь мир под именем Шейх (или Имам) Мансур, был первым Имамом Северного Кавказа, возглавившим народно-освободительное движение горцев (1785 – 1791 гг.) против жестокой колониальной полити-

ки царизма. За короткий срок он сумел объединить под свои знамена многие народы Северного Кавказа и вплоть до 1791 года вел упорную борьбу. Последний оплот Шейха Мансура – крепость Анапа – после многочасового штурма пала 22 июня 1791 года. Тяжелораненый Шейх Мансур был под конвоем доставлен в Петербург. С лихвой испытав на себе жестокое отношение, как к бунтовщику (не к военнопленному) и опасному политическому преступнику, после многократных допросов и пыток тайной канцелярии, по высочайшему указу императрицы Екатерины, осенью того же года Шейх Мансур был приговорен к пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости. А весной 1974 года бездыханное тело Мансура было вывезено с территории крепости и предано земле на Преображенской горе.

В поэме А. Тугузова мы застаем Шейха Мансура в предсмертный час. Поэт вводит нас в пространство художественной реальности, где «в сырой темнице каземата… чеченец гордый уми-

рал», звучит монолог Шейха Мансура. Проведший два с половиной года в одиночной камере, вдали от всего родного – родного края, родных людей, родного языка..., с тяжеленными кандалами на руках и на ногах, немощный и больной, напоминающий глубокого старца, хотя на тот момент ему было всего 34 года, Мансур произносит, вернее, поэт Тугузов вкладывает в его уста следующие слова... хотя, позвольте, может, не поэт Тугузов вкладывает в уста Шейха Мансура эти слова, а...

Доволен я, и слава Богу!
Да будет так, как Он решил!
Не я чертил мою дорогу,
Ее Всевышний начертил.

Монолог временами замолкает, и умирающий, пока еще физически не покидая стены тюрьмы, переносится туда, где было чисто, светло и ясно:

...И видит он надел ячменный,
Саманный дом, отца и мать.

Серебряную ленту Сунжи,
Обрывы желтых берегов.
Как будто дождевые лужи
Мерцают зеркала прудов.
А дальше к югу, за лесами,
Туманя призрачный простор,
Сияют белыми снегами
Седые шапки синих гор.
И видит он картины детства...

Эти строки можно принять за лирическое отступление, точнее, за лирическое вступление перед началом фиксации батального «видеоряда». Далее происходит нечто, напоминающее «сон внутри сна» – воображение внутри воображения: перед умирающим Шейхом Мансуром встают, проносятся вереницей лица его павших и живых товарищей, двух высокопоставленных российских чиновников – Шешковского и Потемкина, а в финале своего предсмертного видения он прощается с отцом Шаабазом. Между Шейхом Мансуром и всеми вышеперечисленными персонажами происходят простран-

ные диалоги, которые и составляют сюжетную канву поэмы.

Когда исчезают последние видения боевых товарищей, Мансур продолжает свой внутренний монолог, вглядываясь в темноту каземата.

«Ведь, смерть не есть исчезновенье / В бездонной мгле небытия, / А лишь вторичное рожденье / Другого истинного – Я» – говорит Шейх Мансур, обращаясь ко всем нам, одержимым онтологическим страхом смерти.

Да, монолог этот, весь пронизанный философскими максимами, направлен как будто вовнутрь, к самому себе, к собственному Духу, но так ли трудно понять, что это разговор с нами, для нас и о нас:

...Когда меня опустят всею
Длиной в кусок чужой межи,
Не думай, что я сожалею
Об этом мире, полном лжи.
Скажи, что жизненная прялка
Сломалась быстро и легко.
И не кричи, что жалко, жалко,

Ведь скиснувшее молоко
Жаль больше...

С особой художественной силой показана «встреча» отца и сына – старика Шаабаза и Мансура. Обессиленный Мансур не может встать, а вернее, вскочить (ведь он не вправе лежать перед старшим, тем более отцом) и просит прощения у призрака отца, указывая ему на свою немощь: Смотри, водивший за собою / На битвы тысячи людей, / Уже я не могу рукою / Достать до собственных бровей.

...Старик глядит, и руку сына
В ладони бережно берет.
И, странной нежностью объятый,
Он шепчет горестно в ответ:
«Мой сын, мой первенец крылатый...»

Диалог отца и сына – это попытка ответить на многие животрепещущие вопросы прошлого, настоящего и будущего не только Нохчийчоь, но и всего Северного Кавказа.

* * *

Однажды Шейх Мансур, вооружившись кинжалом, сделал попытку объединить, собрать Кавказ под единой крышей. Ему это удалось на поле брани.

Через три века поэт Асламбек Тугузов, вооружившись пером, тоже решил собрать Кавказ под единым кавказским небом, и ему это удалось на творческой ниве. Тугузов вернул на Родину Шейха Мансура, собрал под одной обложкой верных его соратников: Дола Мударова, Атажуко Мисостова, узденя Астемирова, князя Чапалова, Казбека Умашева, черкесского льва Мухамед Зана, князя Ахмеда Дударова, Канамета Мансурова и др. Поэт устроил им достойную встречу с их Имамом и поделился с нами всем этим.

В мистической поэме Тугузова галерея кавказских борцов за свободу в предсмертных видениях Мансура – адыгов, аварцев, чеченцев, ингушей, ногайцев... – предстает перед нами в ярких и запоминающихся образах (поэт не скупит-

ся на метафоры, сравнения и эпитеты), олицетворяя единство Кавказа и несокрушимость идеала свободы, которая для нашего края и путеводная звезда, сияющая кровавыми искрами, и духовная ось нравственных координат. Это наивысшая точка человеческого бытия, без которой оно просто не имеет смысла, и миссию свою Шейх Мансур видит в том, чтобы донести эту мысль до всех кавказцев, хотя для него самого она кажется простой и очевидной:

Что сделал я? Сказал народу,
Что можно жизнь свою отдать,
Но Богом данную свободу
Нельзя без боя уступать.

Интересно, что к каждому из персонажей поэту удается подобрать свой индивидуальный штрих либо в детали одежды, либо в описании оружия, коня, доспехов, мимики, голоса, движения, жеста, чтобы передать его характер, благодаря чему легендарные соратники Шейха Мансура предстают

живыми личностями и в то же время выразителями ментальных качеств своих этносов.

При этом психологический портрет самого шейха Мансура – символа свободолюбивого Кавказа – он рисует подчеркнуто человечным, без пафоса и высокопарных изысков слога: ослабленный физически, больной, умирающий Мансур предстает человеком несгибаемой воли, глубоко религиозным, великодушным и благородным, способным к прощению даже заклятых врагов, но в то же время обычным смертным. Замысел Асламбека Тугузова уникален: он изображает своего героя не в дни его побед и сражений, а в самый тяжелый для любого смертного миг – прощания с земной жизнью, перед лицом открывающей двери вечности – он уже «не шейх, не светоч, не эмир», не «имам мятежного Кавказа», а всего лишь «сын Шабаза, простой чеченец Ушурма», и раскрывает его суть в антитезе внешней слабости и внутренней силы духа.

Язык поэта образен, выразителен, полон исторических, религиозных и культурно-этнических аллюзий, читатель должен быть хорошо знаком с историей Кавказа, с исламом, с обычаями чеченцев, которыми пронизано художественное полотно поэмы, тогда, обладая этими необходимыми фоновыми знаниями, он сможет по-настоящему насладиться находками поэта и погрузиться в мир его размышлений о земной юдоли и вечной жизни, о смысле бытия, о судьбе Кавказа, о судьбе Чечни, он услышит и узрит не только ритмы кавказских сражений века XIX в предсмертных видениях героя, но в его предсказаниях увидит не менее грозные всполохи рубежа XX-XXI веков, он сможет вместе с умирающим Мансуром осуществить трансцендентальное путешествие в прошлое и будущее, ощутить благодаря полету творческого воображения автора безграничность духа, который способен вырваться за пределы своего «Я» и преодолеть ша-

блоны земного видения в одной проекции. Однако и читатель, далекий от кавказско-исламских реалий, сможет окунуться в непривычную атмосферу насыщенного знаками и символами тугузовского текста, открыть для себя новое понимание человеческой экзистенции в целом и понять квинтэссенцию чеченской ментальнсти в частности и удивиться в очередной раз, что искусство не имеет этнических и каких бы то ни было еще границ и что каждый этнос неповторим и, как говорил Ортега-и-Гассет, «умалчивает одно, чтобы сказать другое».

Поэт Асламбек Тугузов под занавес поэмы выводит на сцену самого себя и предстает перед читателем с обещанием встретиться вновь, нам остается с надеждой ждать, когда он вновь «раздавит» и возвысит нас энергетикой своих талантливых произведений.

Саламбек Алиев

Во Имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

ШЕЙХ МАНСУР

поэма

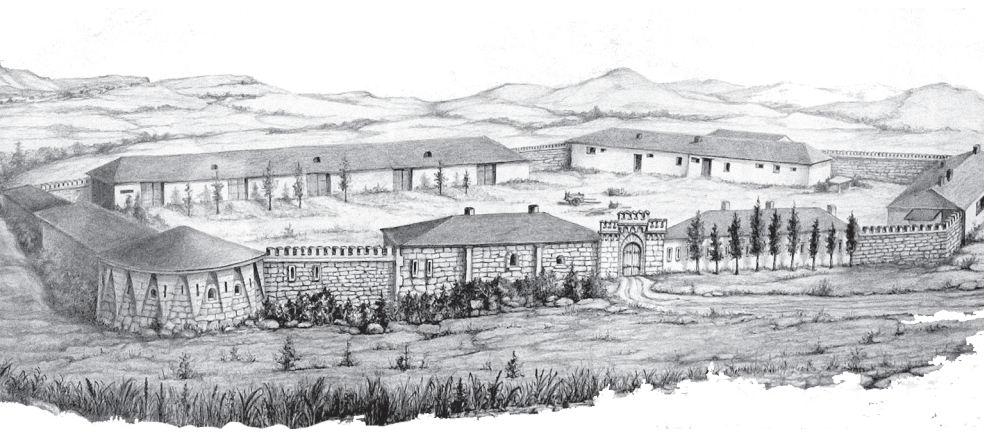

рис. «Шейх Мансур»
худ. РУСТАМ ЯХИХАНОВ

В сырой темнице каземата,
Куда и луч не проникал,
В цепях из твердого булата
Чеченец гордый умирал.
Уже не двигал он руками
И только пристально глядел
Большими, темными глазами
В ему лишь видимый предел.
И столько пламени сияло
В его измученных глазах,
Что, скручиваясь, отступала
Тень смерти в кованых дверях.

Вот он зашевелил цепями,
Вот тихо голову поднял
И странно бледными губами
С улыбкой слабой прошептал:
«Прощайте все, в ком мог узнать я
Родную кровь...прощай, мой край!
Прощайте, пламенные братья,
И ты, тюремщик мой, прощай.

Мне сумрак жизни вездесущий
Видать, уже не по плечу.
Творец небес, морей и суши
Уж гасит и мою свечу.
Уже я чувствую с надеждой,
Как разлучается с тюрьмой
Мой дух, и новые одежды
Мне шьют из ткани световой.
Сквозь спазмы немощи проклятой,
Сквозь тьму и крыш тюремных жесть
Я слышу, как седой глашатай
Несет мне радостную весть.

Доволен я, и слава Богу!
Да будет так, как Он решил!
Не я чертил мою дорогу,
Ее Всевышний начертил.
И вот, сейчас теряя силы,
Под гул слепой, морской волны
Я умираю без могилы,
В глухом краю чужой страны

Без брата возле изголовья
Моей кончины, чтобы он
Вложил в ладонь мою с любовью
Свою могучую ладонь,
Чтоб словом, трогающим душу
Мой ум, смятенный укрепил
И бедный прах в чужую сушу
С молитвой тихой положил.
Но я надежды не теряю,
Я знаю – свет рассеет тьму.
И с чистой совестью вверяю
Себя Ему лишь Одному!»

И смолк, как будто сила речи
Уже покинула его.
Лишь слабо вздрагивали плечи,
И смерть глядела на него.
Но вот он вздрогнул. Словно глянцем
Зари предутренний восток,
Каким-то розовым румянцем
Зажглись две ямы впалых щек.

Как будто вдруг упали стены
И рухнул в бездну каземат...
И видит он надел ячменный,
Саманный дом, отца и мать.
Серебряную ленту Сунжи,
Обрывы желтых берегов.
Как будто дождевые лужи
Мерцают зеркала прудов.
А дальше к югу, за лесами,
Туманя призрачный простор,
Сияют белыми снегами
Седые шапки синих гор.

И видит он картины детства
Как будто сквозь нездешний дым.
Печальной памяти наследство,
Все живо встало перед ним.
Вот он на памятном кургане
С кинжалом в жилистой руке
Стоит в пороховом тумане
В папахе, в черном башлыке.

Ложатся с грохотом снаряды,
Свистя осколками свинца.
А он глядит – идут отряды,
Идут, и нету им конца.
От Татартупа до кордона
Седых кубанских берегов
Они идут, подняв знамена
Почти до самых облаков.
Сверкает небо от пожаров
И горы в сумрачном огне.
Вот кабардинский Дол Мударов
Летит на княжеском коне.

За ним, рассыпавшись как лава,
Как смерч, сметающий врагов,
Летит адыгов цвет и слава,
Мерцая сбруей скакунов.
Сверкают латы, злые искры
Подков вот-вот зажгут поля,
Такой стремительной и быстрой
Не знала конницы земля.

Автор иллюстрации
Али Аздамиров

Вот Дол, сорвав повязку с глаза,
Поднял джатэ над головой:
«Салам тебе, имам Кавказа,
Аллах Всевидящий с тобой!
Как зоркий сокол с тверди черной,
Сложив крыла в урочный час
Тугие склевывает зерна,
Так смерть выклевывает нас
Из этой жизни быстротечной,
Похожей на печальный сон.
Клянусь душой и жизнью вечной,
Ты был муршидом всех племен.

И шел под знаменем Ислама
Быстрее молнии грозы...»
И в черной бездне глаз имама
Сверкнула капелька слезы.
И, слабо шевеля цепями,
Он с силой выпрямился вдруг
И прошептал, горя глазами:
«Мир и тебе, мой верный друг!

Господь миров вдохнувший пламя
В живую глину бытия,
За наше братство и за знамя
Пускай помилует тебя.
А я простил… мне, новоселу,
К чему теперь мирская грязь…»
И, опустив печально к долу
Глаза, промчался гордый князь.
За ним Мисостов Атажуко,
Смирив лихого рысака,
Как встарь в бою, стрелу из лука
Пустил в седые облака.

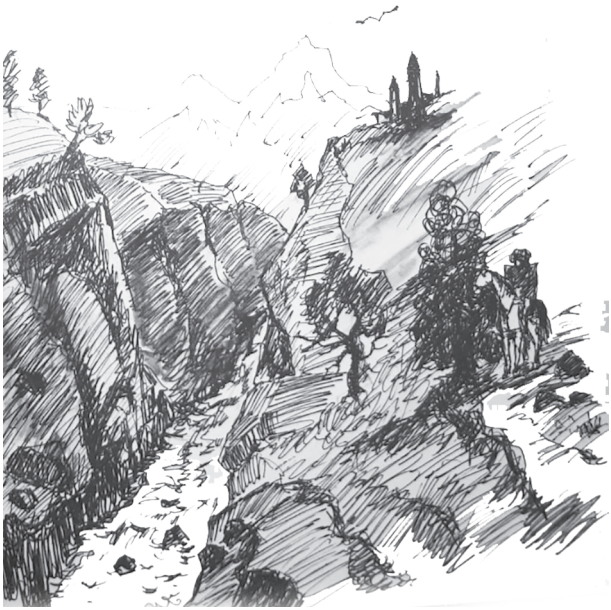
И крикнул зычно: – Данник смерти,
Я Бога с трепетом молю,
Чтоб после этой круговерти
Мы снова встретились в раю.
Прощай же, брат, пусть наше знамя
Узрят и немец и урус.
И долго плачут в твою память
И храбрый лев, и горький трус.»

Вот следом мчится Астемиров,
Уздень из Малой Кабарды
И громкий клич его такбира
Качает полог темноты.
И снова – хриплый гик и крики
И топот ног, и пыль столбом.
Имам глядит – идут кумыки,
Все так же дерзко, напролом,
Как шли когда-то под Кизляром,
Под Татартупом и Лабой
На пушки белого сардара
В последний свой, смертельный бой.

Вот князь Чапалов саблей машет
И, как скала при свете дня,
Сала-уздень Казбек Умашев
Привстал с могучего коня.
Играют солнечные блики
На длинных ружьях и мечах.
– Салам тебе! – кричат кумыки –
Велик Аллах, Велик Аллах!

Смотри, как гаснут наши очи,
Живым пылавшие огнем.
Ты был нам светом в темной ночи
И зорким был поводырем.
Уже твои мы видим знаки,
Как дар грядущим племенам...»
– Прощайте, верные кипчаки!
Чуть слышно шепчет им Имам.
– Я очень скоро стану прахом,
Короткий век отпущен нам,
Но в Судный день перед Аллахом
Я засвидетельствую там,

Что никогда на поле брани
Под вечным знаменем отцов
От Дагестана до Кубани
Надежней не было бойцов.
Прощайте, братья!» с тихим стоном
Чеченец шевельнул рукой...
Но новые зажглись знамена
И осветили свод сырой.

Автор иллюстрации
Али Аздамиров

И вот уж кулаком единым,
Как встарь асхабы на тагут,
Идут ногайцы, абазины,
Тавлинцы смелые идут.
За ними грозные лезгины,
Враги предательств и измен,
Идут, держа прямые спины
В бешметах черных до колен.
Как львы урочищ Дагестана,
Лихие в храбрости своей,
Идут аварцы Ума-хана
В больших папахах до бровей.

Вот закубанские доспехи
Сверкнули грозно за холмом,
И гаснущие очи шейха
Последним вспыхнули огнем,
Когда в сияющей кольчуге,
Расправив свой могучий стан
Возник гроза морской округи,
Черкесский лев Мухамед Зан.

На западное черноморье
Мухамед ужас наводил,
Но тут он, с взором, полным горя
С тоскливой болью возгласил,
– Прощай, мой шейх! Мы все в печали
Благодарим свою судьбу
За то, что мы не проиграли
Ни веру нашу, ни борьбу.
Пускай над этой твердью зыбкой
Запомнят люди образ твой...»
И умирающий, с улыбкой
Кивнул черкесу головой:

– Аллах Велик, Хвала Аллаху,
Что все навеки решено.
Грядущее, подобно праху,
Коль прошлым не озарено.
Спасибо, что делился хлебом
И не предал в тяжелый час.
Господь миров под вечным небом
В Свой час помилует и нас!»

Автор иллюстрации
Али Аздамиров

И вздрогнул свод, и длинным эхом
Сотрясся сумрак пустоты...
Прошли галгаи, абадзехи,
Убыхов стройные ряды.
Они прошли при ясном свете
Под храп коней и свист свинца.
И нет конца колоннам этим
И нету, нету им конца.
Вот самый лучший из алдаров
И тагаурских осетин
Бесстрашный князь Ахмад Дударов,
Теснин дарьялских властелин.

В руках его при свете солнца
Мерцает сабли острой сталь,
Но очи грозного иронца
Уже окутала печаль.
И кличет он в тоске сердечной,
Убавив резвый ход коня:
– О, светлый шейх, в юдоли вечной
Замолви слово за меня.

Скажи, что грешный страж Дарьяла,
Взимавший пошлины с купцов
Не спрятал в ножны сталь кинжала,
Когда услышал вечный зов
Предтечи истины Имама
И к битве воинов собрал...»
И глядя вдаль светло и прямо,
Имам алдару отвечал:
– Я все скажу, мой брат угрюмый,
В тот день, когда поставят в ряд!
Ты был лучом кавказской уммы
И ты из спасшихся, Ахмад,

Прощай! Под этот темный свод я
До дня великого уйду...»
Дударов выпустил поводья
Коня и канул в темноту.
Но вслед за ним над бездной хмурой
Из тьмы, свернувшейся в огне,
Поднялся Канамет Мансуров
На тонконогом скакуне.

– Салам тебе, имам Кавказа,
Ты жив, а значит, не убит –
Кося лукаво острым глазом,
Кричит веселый чингизид.
– Пока колючие барханы
Еще удобны для войны
И наши звездные колчаны
Тугими стрелами полны,
Мы будем жить, а это значит,
Что все идет своей стезей
И степь ногайская оплачет
Тебя живительной грозой.

Прощай, имам...» ногаец плетью
Слегка коснулся рысака,
И тот, всхрапнув, во тьму столетья
Умчал лихого седока,
Как будто звездного ребенка
Через надмирный перевал.
Но в странно вздрогнувших потемках
Другого действа грянул бал,

Не шарканием по паркету
Великосветских каблуков,
А тьмой, клубящейся от света
И полной лицами врагов.
Вот выплыл призрак стариковский
С кнутом в опущенной руке.
И шейх узнал: Степан Шешковский
В своем немецком парике
Глядит слезливыми глазами
И что-то силится сказать,
Но только шамкает губами,
И трудно узнику понять,

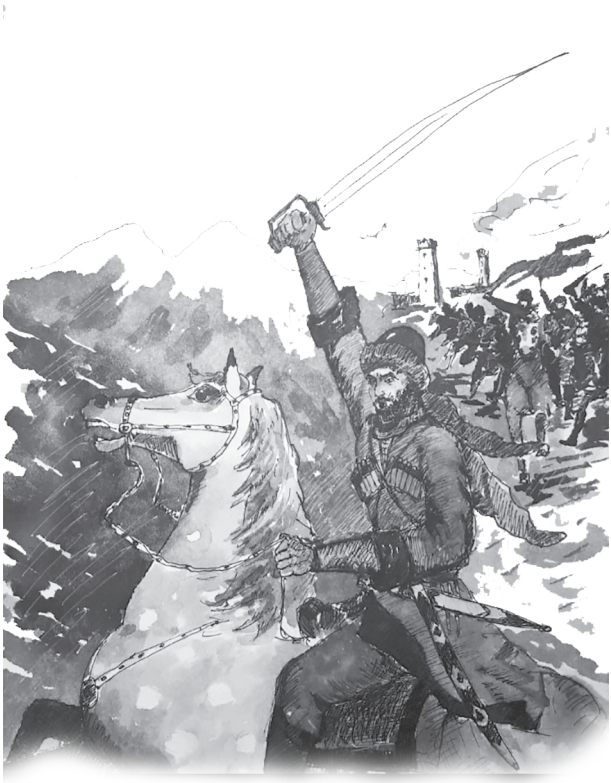
Чего он хочет, этот молью
Съеденный призрак старика?
Но с сожалением и болью
Он грустно смотрит на врага.
И, тихо поводя плечами,
Чуть слышно шепчет в темноту:
– Ты, секший грешников плетями,
Готовься к Божьему кнуту.

Мне жаль, в душе твоей тревога,
Тоска, и больше ничего.
Прощай, старик! Проси у Бога,
Моли прощенья у Него.
А я простил, без сожаленья,
За всех живущих на земле.»
Шешковский с горьким изумленьем
Вздохнул и сгинул в сизой мгле,
Роняя длинный кнут в потемки
Слепой истории веков.
Но следом вынырнул Потемкин,
Горбясь от груза орденов.

И, словно длинным опахалом
Раскачивая пустоту
Командным басом генерала
Встревожил злую темноту:
– Ну что, Мансур, решил проститься?
А мог бы просто жить и жить
И матушке императрице
Всемилостивейшей служить

На южных рубежах Кавказа,
Заслоном нашим, так сказать,
Но ты, фанатик и зараза,
Решил безумно бунтовать.»
И машет пальцем. Но устало
Имам с сочувствием глядит
На тучный призрак генерала
И, улыбаясь говорит:
– Ты прав, пора уже проститься,
Дорогу вечную стелить.
Тебе бы Богу помолиться,
Чем пальцем в сумерки грозить.

Не забывай в глуши порожней,
Крушитель вражеских бойниц,
Что милость Господа надежней
Капризных милостей цариц.
Теперь уйди, не будь помехой
У уходящих на пути...»
И тихий, легкий приступ смеха
Из впалой вырвался груди.

Автор иллюстрации
Али Аздамиров

И стало тихо. С круглой башни,
Где поменялся караул,
Балтийский ветер, злой и влажный,
В окошко узкое подул.
И, всполошив все захолустье
Ночной, свинцовой синевы,
Вдруг треснул лед чуть выше устья
Морозом скованной Невы.
В апреле эра ледостава
Подходит медленно к концу,
Как жизнь, как ветреная слава,
Как смотр полночный на плацу.

И кто-то крикнул, что есть силы,
Но оборвался тут же крик
Так быстро, словно задушили
И следом вырвали кадык.
А может, это ветер с поля
Унес его в чужую степь...
Мансур вздохнул и силой воли
Чуть подтянул к коленям цепь.

И вдруг увидел – сквозь бессонный
Туман: поджары и легки
Идут безмолвные колонны,
Закутав лица в башлыки.
Насечки длинных пистолетов
Мерцают тускло тут и там
И в дым простреленных бешметов
Полы подвязаны к ремням,
Как там у Сунжи, в полдень серый
За догорающим селом,
Когда безжалостный Пиери
Упал с простреленным виском.

И узник с трепетом сердечным
Глядит и слышит бег минут:
Идут чеченцы маршем встречным
И запах Родины несут.
И с радостью, почти с натугой
Он смутно видит – впереди
Идет мулла Усман в кольчуге
Мулла Умар чуть позади.

И пряный аромат Кавказа
Сметает каменный зиндан.
– Салам Алейкум, сын Шабаза –
Приветствует его Усман. –
Неважно выглядишь для шиха,
Одни лишь кости с бородой.»
И шейх смеется тихо, тихо,
Смакуя говор дорогой:
– Мир и тебе, шутник шалинский,
Хотя свинину я не ел,
Здесь кормят все-таки по-свински
И вот, как видишь, похудел...»

И долгий смех веселым эхом
Уходит в гулкий коридор.
И изумленный этим смехом
Тюремщик крестится в упор:
«Исус Христос, израильтянин,
Спаси нас, грешных, и прости.
Совсем свихнулся басурманин,
Видать, готовится уйти.

«Черкесский_набег»
ФРАНЦ РУБО

Господь ты мой, живу полвека
И много в жизни повидал,
А вот такого человека
В тюрьме впервые повстречал.
Ты, зрящий в сумерках эфира
Лихие тайны бытия,
Прости его за муки мира,
Прости ж и грешного меня».
И, взяв фонарь, к тяжелой двери
Он, глухо охая идет.
За ним, как пес лимонно-серый,
Тьма коридорная плывет.

А там, за дверью, сквозь преграды
Веков, забвенья и камней
Стоят чеченские отряды
И долго смотрят на вождей.
Кинжалы, вложенные в ножны,
Дымят черненым серебром.
Живые с павшими в надежной
Цепи, что братством мы зовем.

Ничто не вечно, все проходит,
И только вечен Лик Его!
Мулла Умар вперед выходит
Не пряча горя своего:
– О Ушурма, о, сын Шабаза,
О наш прославленный Имам,
Сверкавший гранями алмаза
И ставший назиданьем нам,
Хвала Творцу, вся мощь и сила
Ему вовек принадлежат.
Он посылает Жабраила,
И Он же шлет его назад.

Будь ты слугой, иль падишахом,
Иль шейхом, брошенным во тьму, –
Мы все принадлежим Аллаху
И возвращаемся к Нему.
Преславен Он! Твое терпенье
И дух, не терпящий оков,
Да станут мерой искупленья
На чаше истинных весов.

Пока Аргун под небесами,
Как белогривый снежный волк,
Зло пенясь, между валунами
Несет к долине свой поток.
Доколь седые льды Башлама
Сияют в сумеречной мгле
И дети Евы и Адама
Еще блуждают по земле,
Ты будешь жить в преданьях поздних
Грядущих наших сыновей,
И будут северные звезды
Беречь покой твоих костей.

Прощай, имам!» – махнув рукою
Умар смешался с сизой тьмой.
А где-то глухо за рекою
За мрачной крепостной стеной,
За бесконечными лесами,
За белой, снежной пеленой
Над допотопными горами
Раздался ясно волчий вой.

Автор иллюстрации
Али Аздамиров

И месяц, бледный отщепенец,
Ему безмолвной дрожью внял.
И умирающий чеченец
Вдруг твердым голосом сказал:
– О братья! О моя подмога!
О Свет, начала и конца,
Свидетельствую, нету Бога,
Помимо нашего Творца.
И Мухаммад, Его посланник
И наш прекрасный поводырь,
А ваш собрат – всего лишь странник,
Не шейх, не светоч, не эмир.

Имам мятежного Кавказа?
Носитель Веры и Ума?
Теперь он только сын Шабаза,
Простой чеченец Ушурма,
Забытый в сумерках темницы,
Встречает свой последний час,
И ясно видит ваши лица
И просит каждого из вас

Простить его во имя Бога,
Как Он сейчас прощает вас
За наши трудные дороги
И битвы, что сплотили нас.
Что сделал я? Сказал народу,
Что можно жизнь свою отдать,
Но Богом данную свободу
Нельзя без боя уступать.
По правилам худого века
Не может статься человек
Рабом другого человека
Ни в этот, ни в грядущий век.

И я услышал ясный голос
И отозвался он в груди,
Да так, что сердце раскололось:
«Иди – сказали мне – иди!
В глухое время святотатства,
Несправедливости и лжи.
Свяжи расколотое братство
Народов ближних, и скажи,

Что Бог един! И слово Божье
Есть действа верного глагол.
А все другое – бездорожье,
Томленье духа и раскол».
И я сказал, и вы мне вняли
Рассудком вашим и душой,
И сабли острые достали
Из ножен твердою рукой,
Когда отвергнув горечь страха,
Единой силой, в первый раз
Под вечным знаменем Аллаха
Сплотился Северный Кавказ.

И Он помог, и дни сражений
Мы твердо начали с побед,
Пока сердечных намерений
Не замутился чистый след.
Пока не грянул рог шайтана,
Когда один за одного
Внутри расколотого стана
Поднялись данники его.

И вот они заголосили,
Давая волю языкам,
И то, что мы не говорили
Безбожно приписали нам.
Я разве назывался шахом?
Или пророком? Нету слов...
Я только прибегал к Аллаху
От зла их скверных языков.
И разве я, скажите, люди,
Сказал хоть раз, что я святой?
Что жерла вражеских орудий
Залью небесною водой?

Свидетель Бог, Его Сифаты,
И Книга вечная Его:
Мои земные караматы –
Лишь вера сердца моего,
Что Бог един, а все иное –
Трофеи мира и гроши,
Что наше странствие земное
Есть испытание души.

Потемкин Павел Сергеевич
(1743-1796)
Российский Государственный и военный деятель. Генерал-аншеф

Я призывал к благому нраву,
Я звал к отказу от грехов,
И к братству призывал во славу –
Пресвят Он! – Господа миров.
Мы не носили злобы в сердце,
Что злоба? Мертвая вода.
И жажда крови иноверцев
Нас не томила никогда.
И я клянусь идущим ночью
К сиянью звездного огня,
Мы все увидели воочью
Во мраке тьмы и в свете дня.

И Он сказал: «Они в убытке
Они сошедшие с пути,
Возьми же в руки Наши Свитки
И Словом Нашим просвети
И призови их светом знанья
К раскаянью и чистоте,
Пока ворота покаянья
Еще открыты для людей.

Пока бесследно не иссякли
Сердца их светом и теплом...»
И вот, с покатой крыши сакли
Однажды, ясным Божьим днем,
Когда весна жизнелюбиво
Покрыла цветом ветви слив,
Я понял – вот он, час Призыва,
И сделал первый мой Призыв...
Ах, эти сливы, помню даже
Чудесный дух их лепестков.
А чуть поодаль, словно стража
Шумели несколько дубов,

Как будто нарты – великаны,
Поднявшиеся до небес
Из детских снов и сказок Наны.
И лес...и долгий, темный лес
Под бесконечным небосклоном,
Венчавшим эту красоту...
О чем же я?» – с чуть слышным стоном
Мансур вгляделся в темноту,

«Кавказец, чистящий свою шашку»
ФРАНЦ РУБО

Но никого в кромешном мраке,
Как в абсолютной пустоте,
Ни слов, ни шорохов, ни знаков,
Ни войск, ни храпа лошадей.
Лишь тьма беспамятства и муки,
И умирающий с трудом
Сцепил в мольбе худые руки,
И слились в шепоте глухом
Мольба, молитва, покаянье
И озарение души:
– О Дух, отправленный в скитанье
На встречу с Господом, спеши!

Ведь смерть не есть исчезновенье
В бездонной мгле небытия,
А лишь вторичное рожденье
Другого, истинного – Я.
Пока душа под небесами
Земной описывала круг,
Она все видела глазами,
Держала вещь посредством рук.

И хоть она держалась в теле,
Как бы субстанция одна,
Но суть вещей на самом деле
Распознавала лишь она.
Да будет так! Крылатой птицей
Лети, легчайшая из двух.
Могила выглядит темницей,
Хотя освобождает Дух.
Господь, да снимет бремя страха,
Когда подступит смерти мгла.
Будь благодарен, раб Аллаха,
Скажи, что истина пришла!

И пробил Час! Поскольку каждый
Орбитой движется своей,
Пока не встретится однажды
С пространством истинных Идей.
Когда меня опустят всею
Длиной в кусок чужой межи,
Не думай, что я сожалею
Об этом мире, полном лжи.

Автор иллюстрации
Али Аздамиров

Скажи, что жизненная прялка,
Сломалась быстро и легко.
И не кричи, что жалко, жалко,
Ведь скиснувшее молоко
Жаль больше. Разве я исчезну
За пылью жизненных дорог?
Луна и Солнце, канув бездну
Небес, в предписанный свой срок
Восходят в сферу небосвода
И светят с прежней высоты,
Как будто не было ухода
В слепую зону темноты.

И разве же не прорастает
Зерно, когда рука твоя
Его с надеждою бросает
В сырую почву бытия?
Нет горше для души увечья,
Чем то, что лечится в огне.
Так почему же в человечьем
Ты сомневаешься зерне?

Всевышний, Вечный Царь творенья,
Великой милостью Своей
Все создает одним веленьем
В утробах наших матерей,
Меняя облик наш во мраке
И придавая новый вид...
О, мой Господь, я вижу знаки
За толщиной гранитных плит,
Как будто солнце над могилой
Для жизни будущей взошло...»
И вдруг во мгле темницы стылой
Все стало ясно и светло,

Как будто тысячи топазов
Образовали знак кольца.
И видит шейх лицо Шабаза,
Суровые глаза отца.
И шепчет он, разъявши руки:
– Отец, прости, что не вскочил.
За эти годы тьмы и муки
Я, видно, выбился из сил.

Смотри, водивший за собою
На битвы тысячи людей,
Уже я не могу рукою
Достать до собственных бровей.
И черный кашель меня душит,
Заполнив легкие водой.
Но вот, Творец небес и суши,
Мне дал увидеться с тобой,
Здесь на краю моей могилы,
Последней пристани земной,
Как будто кровь вернулась в жилы
Последней, яростной струей.

В твоих глазах печаль утраты
И скорбных чувств ненастный шквал.
Отец, Аллах в Своем айяте
Еще нам встречу обещал.
И вот теперь я умираю
Для этой жизни ради той,
Как тот, обрадованный раем
Асхаб от раны ножевой.

Да будет райская долина,
Жемчужиной Его щедрот...»
Старик глядит, и руку сына
В ладони бережно берет.
И странной нежностью объятый
Он шепчет горестно в ответ:
– Мой сын, мой первенец крылатый,
Я не печалюсь вовсе, нет.
Ведь есть же в Книге обещанье
Аллаха: О, рабы Мои,
Я вас избавлю от страданья
И страха собственной души

Отныне, чтобы вы не знали
В грядущем вашем никогда
Ни слез, ни боли, ни печали,
Ни чувства горького стыда».
Я знаю – все твои мученья
Теперь остались позади –
И жизнь, и годы заточенья,
И недуг, выжженный в груди.

Шешковский Степан Иванович,
руководитель тайной полиции России.
Тайный советник Екатерины II

Но эта весть повергнет в горе
Отчизну дальнюю твою
И не один опустит горец
Седую голову свою,
Кляня известье роковое
С тоской и горечью в очах.
И не одна горянка взвоет
Волчицей, раненной в горах.
А я спокоен, я-то знаю...
Пусть пядей не семи во лбу.
И как награду принимаю
Твою печальную судьбу.

Еще качала в колыбели
Тебя твоя родная мать,
А я уж знал – для высшей цели
Ты послан жить и умирать.
Что знаки вечной воли Божьей
Зовут тебя в иную даль.
Меня ж другое горе гложет,
Другая мучает печаль:

Вот ты умрешь, грядет эпоха
Других законов и людей.
Что станет с сыновьями Ноха?
Что станет с Родиной твоей?»
И шейх, кивая головою,
Как будто смотрит сквозь века
И гладит теплою рукою
Худую руку старика:
– Отец – он шепчет – даль обманна,
Темны грядущие века,
Где в плотных сумерках тумана
Течет великая река

Времен – невозмутимый странник,
Незримый для пытливых глаз.
Создатель и его посланник,
Они все знают лучше нас.
Твой сын – всего лишь горстка праха,
И, к счастью, он совсем не тот,
Кто шутит с тайнами Аллаха,
Как тот персидский звездочет,

«Черкесские всадники»
ФРАНЦ РУБО

Рисующий кривые круги
Неразумением своим.
Но тьма тюрьмы мне стала другом
И острым зрением моим.
Я не следил за ходом суток,
Не наблюдал ночных светил,
Но Богом данный мне рассудок
Для речи этой сохранил.
Отец, счастливого рассказа
Ты не услышишь от меня,
Поскольку сумерки Кавказа
В багровом пламени огня.

И то, что с нами полыхало,
И то, что пережили мы,
Есть только слабое начало
Грядущих бурь и грозной тьмы.
Пройдет столетье, и другое
За ним столетие пройдет,
Пока кровавою рекою
Зло мира вспять не истечет.

Пока багровые светила –
Предвестники большой войны,
Лишенные былого пыла,
Не вспыхнут в фазе тишины.
Как будто поднятые с моря
Толчками сумрачного дна,
Еще нахлынут волны горя,
Как смерч на наши племена.
Еще узнают дети Ноха,
Когда поднимутся на бой
Всю тяжесть древнего молоха,
Что нашей назовут судьбой.

И там на пике грозной драмы,
Встречая вражескую рать,
Другие явятся имамы
И будут звать на газават.
И в пекле будущих сражений,
Держась за славу, как за меч,
Живые соки поколений
В сырую землю будут течь.

Автор иллюстрации
Али Аздамиров

Дышавший воздухом свободы,
Как может жить в миазмах мглы?
Исчезнут целые народы
С поверхности родной земли.
Там – где адыг в лихом набеге
Пускался дерзко за Кубань,
Пройдут громоздкие телеги
Казаков дюжих и армян.
И только путник одинокий
Пройдет через родную степь,
Оплакав предков рок жестокий
И жизни порванную цепь.

И все Тарковские шамхалы
Узрят в свой час, как их дворцы
Заселят тощие шакалы,
Ночные совы и скворцы.
Как ветры скопища тумана
Рассеивают без следа,
Так гордых ханов Дагестана
Сметут грядущие года.

Как к снегу с крон лесной дубравы
Спадают желтые листы,
Так опадет былая слава
Князей могучей Кабарды.
И в красном зареве пожаров,
Как злак насущный в недород,
Погибнут семена алдаров
И башни их, и их оплот.
И там, на пастбищах высоких,
Где жиром полнились стада
И тур резвился волоокий,
Как сон, возникнут города

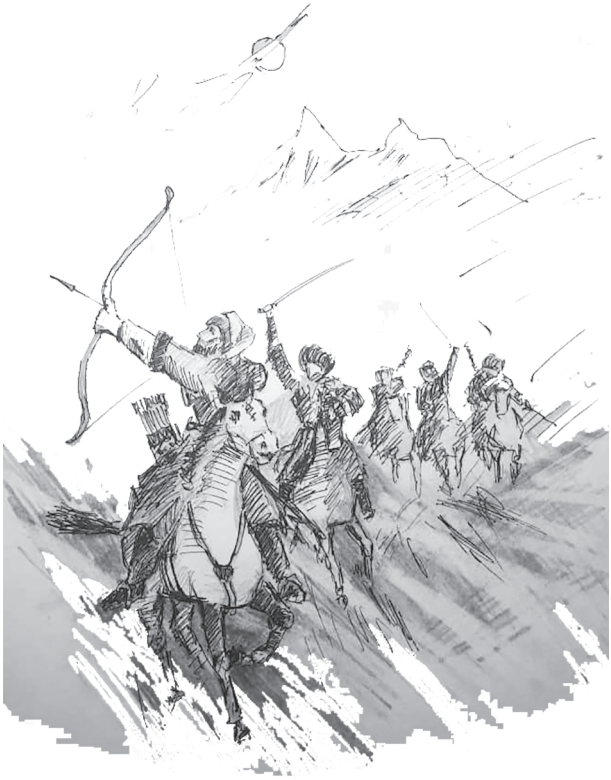
С большими крепкими домами,
Мирской, обманчивой красы,
И будут храмы с куполами,
Венчать распятия Исы.
А рощи, где пастух бессонный
Стерег тропинки с волчьих нор,
Заполнит говор посторонний,
Смущая тишь Кавказских гор.

Как, туча с встречным ветром споря,
Слепит всполохами глаза,
Вот так над западным нагорьем
Пройдет великая гроза...
А что чеченцы? – шейх с тревогой
Всмотрелся в старого отца,
Как будто высмотрел дорогу
Отчизны дальней до конца.
Как будто там, во мраке зыбком,
Увидел молнию в горах.
И тут же странная улыбка
На бледных вспыхнула губах:

– Отец – сказал он. Тихий шепот
Обрел подобие крыла
И стал похож на хриплый клекот
Большого, сильного орла –
Отец, Аллах вернее знает,
И Он испытывает тех,
Кого страданьем отмечает,
Кого Он любит больше всех.

Все в мире тленно, Божьи сроки
Всему разумному – пример!
Недолго царствовал Двурогий
Над миром, гордый Искандер.
И Рум упал, когда из Шама
На рубежи его границ
Явилось воинство Ислама
В лисамах белых до ресниц.
Царей, наместников, героев –
Всех смел великий ураган.
Ушла династия Хосроев
И пал языческий Иран.

И унеслось зыбучим прахом
В слепую бездну, без следа
Все то, что именем Аллаха
Не освящалось никогда.
Лишь там, над будущим и былью
Среди космических могил
Еще мерцает звездной пылью
Праматерь Смешанных Светил.

Автор иллюстрации
Али Аздамиров

Как дервиш ночью из ханаки
Следы ночного грызуна,
Я вижу тьму, но в ней есть знаки,
В ней буквы есть и письмена.
И Богоданным оком знанья,
Сквозь сжатый сумраком простор,
Я ясно вижу очертанья
Покрытых белым снегом гор.
Вон там вдали за облаками,
Смотри, отец, в папахе льда
Дымит ледовыми ноздрями
Могучий нарт Тебулос-мта.

А ниже, – вдоль речного склона,
Минуя сонный Харачой,
Худой пастух клюкой из клена
Ведет овец на Чеберлой.
Как щедр к творению Всевышний,
В какой предел не укажи!
В апреле солнечные вишни
Уже цветут в Элистанжи.

И на хребтах карабулаков,
Обильных травами весны,
Среди еще зеленых маков
Вовсю пасутся табуны.
И вот за этот край высокий,
За эту Божью благодать
Мы будем жизненные соки,
Как дань в могилы проливать.
Враг переходит в наступленье
С девизом вечным – захватить,
И лишь огонь сопротивленья
Его заставит отступить.

Мы, люди с чистыми сердцами,
С неприхотливою душой
И, по сравнению с врагами,
Нас очень мало под луной.
Но свят Аллах, Зиждитель сферы
Семи небес и всех светил,
Он дал нам дух и светом Веры
Его, как башню, укрепил.

И я, придвинувшийся к краю
Условного небытия,
С сердечной дрожью ощущаю
Порывы этого огня.
Мы и тогда продолжим биться,
Когда, устав от вековой
Борьбы, измученно склонится
Кавказ, поникнув головой.
Пусть сталь врагов острее бритвы
И нет солдатам их числа, –
Союз кинжала и молитвы
Сломает горб любого зла.

И мы сражаться будем с ними,
Ряды расстраивая их,
Чтобы адатами своими
Не стать похожими на них.
Когда щепотку чистой соли
Бросают в кубок питьевой,
То, растворяясь поневоле
Она становится водой.

И молния не выживает,
Когда ударится об лед,
И волк в неволе умирает,
И птица в клетке не живет.
Что нам купечески – стрелецкой
Орды неверная стезя?
И русский царь, и бей турецкий
Худые будут нам друзья.
И все надежды на кого-то,
Помимо Бога на земле,
Есть немощь духа и болото,
Застывшее в грядущей мгле.

И будет даль в кровавых росах
Крутить свое веретено,
Когда, подняв корявый посох
Из мест округи Ведено,
Восстанет дервиш света знанья
И тихо к миру призовет,
За что отправится в изгнанье,
Благословив Адамов род.

Автор иллюстрации
Али Аздамиров

Вдали от синего Кавказа,
В стране холодной и чужой
Следы чеченского устаза
Засыплет ветер мировой.
И будет хиджра без возврата
Отчаянная, как судьба,
Когда до берегов Ефрата
Дойдет чеченская арба
Сквозь каменистое полесье,
Расплавленное как слюда,
Где византийско-тюркской спесью
Чужие дышат города.

Как семена летят по ветру
В живом стремлении – вперед!
Вот так рассеется по свету
Святого Ноха гордый род,
Пуская гибнущие корни
В чужие, мертвые пески,
Не выдавая беспризорной,
В сердцах клокочущей тоски.

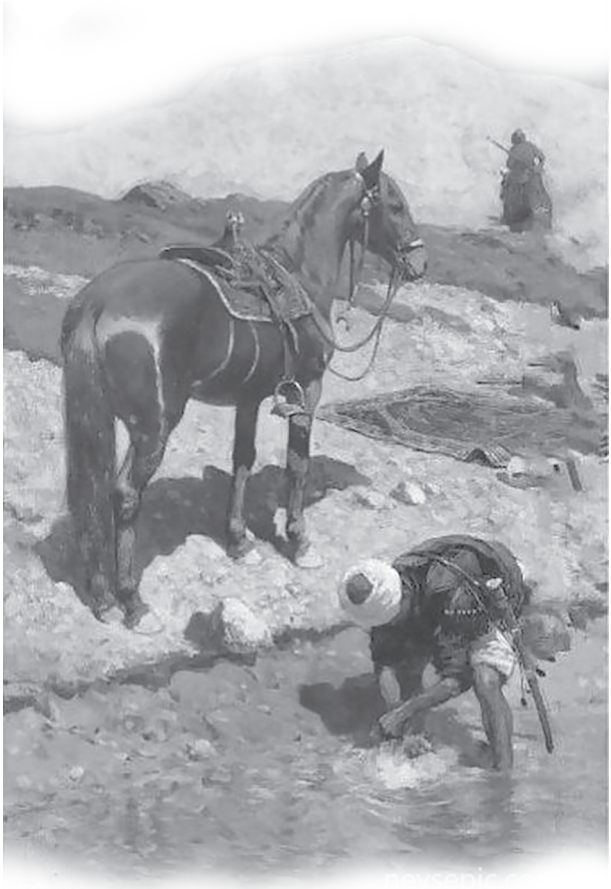
Как плеть из гибкой, бычьей шкуры
Роняет крепкая рука,
Застигнутого дикой бурей
В пути лихого седока,
Вот так однажды, словно в бездну
Слепую канув навсегда,
Чеченцы все – таки исчезнут
Во мгле на долгие года.
Однако тот же ветер бури,
Подув назад, сметет песок
И, как луна в ночной лазури,
Плеть снова явится в свой срок.

Так и чеченцы, лишь на время
Уйдут в могильные края,
Чтоб вновь восстать, как будто семя
Живого злака бытия.
И будут жить до Дня Восстанья
Под солнцем правды и добра...»
Тут голос сел до придыханья,
И к первым признакам утра,

Когда с последней формой тварной
Прервалась зрительная связь,
Имам умолк и благодарно
Смежил навечно веки глаз.
И тут же бледное сиянье
По всей темнице разлилось,
Как будто там, над мирозданьем,
Светило новое зажглось.
Как будто ангелов крылатых
Слетелся радостный отряд,
И триста шейхов тариката
К джаназе спешно встали в ряд...

ЭПИЛОГ

...Напротив крепости старинной
На левом берегу Невы
Есть древний холм с песчаной глиной,
Покрытый плесенью травы.
Его горой Преображенской
Назвали в давние года,
Видать, монахи, тьмы вселенской
Когда настигла их нужда.

«Черкесский всадник у горной реки»
ФРАНЦ РУБО

Сюда весной поближе к суше
От волн грохочущей воды
Летят балтийские олуши
И часто селятся дрозды.
Там церковь есть для православных,
А рядом кладбище в крестах,
И очень много безымянных
Могил, затерянных в веках,
Монахов, грешников, конвойных,
Зарытых в спешке, наобум
И всяких, слишком беспокойных
Властителей бунтарских дум.

Над ним столетья прошумели,
И столько утекло Невы,
Что даже камни поседели
И стерся ситец синевы.
Там от старинного погоста
Остался лишь песчаный слой,
Где чьи-то призрачные кости
Надежно спрятаны землей.

И ничего не уцелело:
Ни крест, ни камень, ни бугор.
Два с лишним века пролетело
С тех самых стародавних пор,
Когда без суеты и спеха
Команда крепостных людей
Соединила тело шейха
С природой истинной своей.
Они его не хоронили,
Им это было все равно,
А словно в почву положили
Неистребимое зерно.

Кто верит в тайну жизни вечной,
Любую чувствует стезю:
И инвалид рукой увечной
Смахнул с худой щеки слезу.
И, глядя вниз светло и прямо,
По – человечески, как есть,
К могиле первого Имама
Поставил деревянный шест.

Екатерина II
императрица и Самодержица
Всероссийская (1762-1796)

Все тот же купол неба стылый
Сияет с прежним торжеством,
Но стерся след святой могилы,
Покрывшись дерном и песком.
Все преходяще в мире этом –
От человека до птенца,
Есть только свет, и этим светом,
Как чаши полнятся сердца.
Все наши помыслы и думы,
Молитвы наши в этот час
За чистых мучеников уммы,
За предков наших и за нас.

Прошу у Бога с содроганьем,
Чтоб строки этого труда
Мне стали добрым воздаяньем
На сборах Страшного Суда...
А ты, духовный мой соратник,
Читатель мой и педагог,
Чистосердечный соучастник
Моих писательских тревог,

Хоть я не спал и лез из кожи,
Глагол к глаголу подгонял,
А все ж писал не ангел Божий,
А смертный в сумерках писал.
И если где-нибудь промашку
Найдешь – с попреком не спеши,
А сделай добрую поблажку –
На слабость зрения спиши.
Да станут строки этой драмы
В священный месяц Рамадан
Садакой памяти Имама
И всех шахидов – мусульман.

И все! Как к ночи флаг заката,
Оплыл последний воск свечи.
Писал же, внук Темир-Булата
И сын Тапы из Ведучи
Чеченец Асламбек Тугузов
На чистом русском языке,
Где диалект восточных русов
Кишит тюркизмами Берке.

Как в стужу мерзнущего волка,
К норе семейной греет путь,
Огонь исполненного долга
Мою приятно теплит грудь.
Теперь, прощай! Оплыли свечи,
Устало слиплись крылья век.
Инша Аллах, до новой встречи!
Ваш брат Тугузов Асламбек.

2022 г. 20 январь – 28 апрель.

Литературно-художественное издание

Асламбек Тугузов

ШЕЙХ МАНСУР

поэма

на русском языке

редактор И. Дагалаев
вёрстка З. Ганаев
корректор Л. Довлеткиреева

Заказ 1039 от 21.07.22 г.
Формат 84x108 1/32
Тираж 1000 экз.
Отпечатано: Федосеев В.А.